

О.А. Аршинцева

Британские цели войны и программа мирного урегулирования на имперской конференции 1917 г.

Сразу после прихода к власти в декабре 1916 г. военный кабинет сформулировал основные принципы военной политики и перспективы будущего мирного урегулирования, исходя из концепции войны до победного конца. Только победа над противником, по мнению британского политического руководства, могла стать основой для послевоенного мирного урегулирования. Новый глава коалиционного военного правительства Д. Ллойд Джордж был инициатором и самым решительным сторонником указанного подхода, настаивая на нем в ходе политических дискуссий с коллегами по кабинету Асквита осенью 1916 г. и приняв за основу собственной внешнеполитической стратегии. Осуществляя ее, новому правительству уже в начальный период пребывания у власти удалось согласовать британское официальное мнение по поводу перспектив войны и будущего урегулирования с союзниками и, что оказалось гораздо сложнее, с США. Следующим, не менее важным этапом реализации этой стратегии стало обсуждение британских целей и контуров будущего урегулирования с доминионами на имперской конференции весной 1917 г. Именно она положила начало сложному поиску оптимального соотношения имперских и европейских интересов, который завершился только к началу 1919 г. в виде британской программы на Парижской мирной конференции. Популярный в английской историографии сюжет в отечественной литературе советского периода рассматривался поверхностно, на основе ленинской концепции империализма и остается малоизученным в современных работах по истории Первой мировой войны, что и объясняет, на наш взгляд, научную актуальность проблемы.

Два с половиною года войны, в которой Великобритания принимала участие как центр мировой империи, придали совершенно новое значение имперскому фактору в ее политике и стратегии. Если в предвоенные годы исследователи, в частности П. Кеннеди, отмечают известную переориентацию в сторону европейских проблем, вызванную сближением с Францией и Россией в рамках Антанты, то война в корне изменила ситуацию [1]. Ее протяжен-

ный характер и огромные материальные и людские затраты, которые доминионы были готовы разделить с метрополией, создали основу для их реального влияния на принятие геополитических решений и проектов будущего мирного урегулирования с учетом их собственных интересов и целей имперской безопасности. Военный кабинет Ллойд Джорджа в своей имперской политике исходил из признания этого факта, о чем, если отвлечься от пышной риторики по поводу вклада доминионов в войну, вполне объективно свидетельствуют «Военные мемуары» [1, с. 25].

Однако в начале 1917 г. ожидания нового правительства скорее были связаны с тем, что реально смогут сделать доминионы для «нокаута» противника, как определил британскую стратегию будущий премьер в своем шумевшем интервью в сентябре 1916 г. Достижение этой цели потребует напряжения всех сил империи, включая помощь доминионов. Коль скоро война будет продолжаться, то Ллойд Джордж считал преждевременными любые инициативы доминионов по разработке конкретных условий будущего мира. Это нежелание точно формулировать британские цели войны и принципы послевоенного устройства было основой внешнеполитической тактики правительства по крайней мере на протяжении ближайших месяцев. Однако даже первые, во многом вынужденные шаги военного кабинета в этом направлении в декабре 1916 г. вызвали беспокойство у руководителей доминионов, которые опасались, что правительство может пожертвовать имперскими интересами ради выполнения своих обязательств по отношению к союзникам в Европе. Еще одним поводом для волнений стало принятое в феврале 1917 г. решение кабинета согласиться с тем, что Япония поддержит не все, а только часть английских претензий на тихоокеанские владения Германии [2, р. 68]. Известный своей твердой имперской позицией Керзон (кстати, не разделявший уступчивость кабинета по отношению к Японии) и министр по делам колоний В. Лонг, подогревая подозрения доминионов, добились, что правительство формально признало право доминионов

участвовать в обсуждении британских условий мира. Этот вопрос был включен в повестку дня предстоящей имперской конференции. Таким образом, Ллойд Джордж, главный инициатор указанной тактики, в обмен на готовность доминионов внести дополнительный вклад в победу дал согласие выслушать их мнение по поводу будущего мирного урегулирования.

Отмеченная двойственность официальной позиции проявилась и в ходе самой имперской конференции, открывшейся 20 марта 1917 г. Она продолжила предвоенную практику проведения подобных конференций (1902, 1907 и 1911 гг.), но отличалась от них повесткой, которая была продиктована целями ведения войны, характером взаимной заинтересованности участников и даже формами отношений. В частности, параллельно действующей конференции как высшего органа империи был создан имперский военный кабинет, объединивший правительство Ллойд Джорджа с премьерами доминионов. Проект создания новой структуры возник еще в феврале 1917 г. в ближайшем окружении премьера, а в качестве образца была взята реконструкция правительства в военный кабинет, предпринятая в декабре 1916 г. Все это служило главной цели Ллойд Джорджа – концентрации усилий руководства – теперь уже в рамках империи – для успешного ведения войны. Ради этого он был готов «поделиться» властью с правительствами доминионов, правда, делая это в духе присущей его премьерству авторитарной тенденции, а не на демократической основе [3, р. 177].

Выступая на открытии конференции, Ллойд Джордж твердо заявил, что предстоит согласовать только общие принципы мирного урегулирования со стороны Британской империи, и это стало основой решения конференции создать два комитета – во главе с Керзоном для разработки территориальных требований и возглавляемый Милнером для рассмотрения нетерриториальных проблем [1, с. 36]. Оба комитета подготовили свои проекты к концу апреля 1917 г. и были рассмотрены на заседаниях имперского военного кабинета 26 апреля и 2 мая. В ходе дискуссий, особенно по первому проекту, обнаружилось расхождение позиций правительства и представителей доминионов по территориальным претензиям к Германии и ее союзникам. Ллойд Джордж вообще считал территориальные вопросы второстепенными в ряду британских целей войны, обвиняя при этом руководителей доминионов, настаивающих на немедленном решении судьбы германских колоний, в пре-

вратном толковании этих целей [2, р. 71]. В конечном счете ему удалось настоять, чтобы проект комиссии Керзона объединил требования по европейскому урегулированию, которые уже были заявлены в известной совместной ноте союзников по Антанте от января 1917 г., идею отторжения от Турецкой империи Месопотамии и Палестины и сформулированный в самом общем виде принцип невозвращения ее тихоокеанских и африканских колоний, уже захваченных англичанами. Именно в отношении последних он допускал изменения, если придется уменьшить размеры британских притязаний, исходя из европейских интересов союзников. В итоге конференция согласилась с позицией правительства, хотя сам Керзон, будучи последовательным защитником интересов доминионов, оказался перед выбором между лояльностью по отношению к коллегам по кабинету и своими имперскими принципами. Забегая вперед, следует отметить, что Австралия и Новая Зеландия, особо заинтересованные в полной аннексии германских тихоокеанских колоний, не оставили попыток решить этот вопрос вплоть до следующей имперской конференции в августе 1918 г. При этом главным аргументом с их стороны были соображения имперской безопасности [2, р. 72].

Иной – менее острый – характер носили дискуссии по поводу доклада комитета Милнера, которые развернулись главным образом вокруг определения полномочий Лиги наций и проблем разоружения. Связано это было с тем, что, с одной стороны, они в меньшей степени затрагивали интересы доминионов. С другой стороны, в британском правительстве и парламентских кругах отсутствовало единство по данным проблемам, а время для их детального обсуждения еще не пришло. Ллойд Джордж, будучи сторонником узкого толкования Лиги, умело прикрывал политический прагматизм пышной риторикой, выдержанной в духе президента Вильсона, заявляя, что демократия и свобода являются единственными гарантиями мира между народами [1, с. 48]. По существу выводы конференции по докладу Милнера не шли дальше признания необходимости Лиги наций и разоружения в качестве общих принципов мирного урегулирования, детальное обсуждение которых должно стать делом международной конференции после окончания войны.

Имперская конференция 1917 г. оказалась особым этапом в процессе формирования британской программы мирного урегулирования. Основные ее решения по целям войны и прин-

циям мироустройства были лишены конкретности, что соответствовало традиционным британским внешнеполитическим подходам, достаточно гибко соединяли имперские интересы, которые в Лондоне и доминионах не всегда понимали одинаково, и широко декларируемые в либерально-идеалистическом духе цели предотвращения войн и достижения всеобщего мира, которые отнюдь не меняли при-

роды британского политического прагматизма. Конференция 1917 г., при всех вынужденных уступках со стороны доминионов, создала основу для постепенного увеличения их влияния на принятие общеимперских внешнеполитических решений к концу войны и накануне мирной конференции, что, в свою очередь, усилило тенденцию преобразования империи в Содружество наций.

Литература

1. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934. Т. 4.
2. Rothwell V.H. British war aims and peace diplomacy. 1914–1918. Oxford, 1971.

3. Kennedy P. The realities behind diplomacy. Background influences on British external policy. 1865–1980. London, 1981.